

**МОГИЛЬНИК УСТЮГ-1
ПО РАСКОПКАМ 2011-2012 гг.¹**

Публикуются результаты раскопок погребений IV в. н. э., в том числе одиночные и коллективные ингумации, кенотавы, захоронения с конем, происходящие из пяти курганов могильника Устюг-1 в лесостепном Притоболье. Показано смешение разнородных новаций в обрядах как свидетельство мигрантных включений в социум.

Ключевые слова: Великое переселение народов, гунно-тюркская среда, Зауралье, раннее Средневековье, погребальные памятники.

The excavation results of graves, including inhumations, burial with horse and cenotaphs are published in this article. Its belong to cemetery Ust'ug-1 dating IV century, in the forest-steppe zone of Tobol valley. We show mixed heterogeneous traditions in customs as evidence of migrant groups in society.

Keywords: Grate migration, Hunnu and Turks, Trans-Urals, Early middle age epoche, Burial cites.

Могильник Устюг-1 представляет собой один из репрезентативных памятников эпохи Великого переселения народов в лесостепном Зауралье, открытых в последнее время. Однако раскопки его оказались затруднены перекрытием курганами и грунтовыми могилами культурного слоя поселения эпохи неолита-энеолита Устюг-3 и городища раннего железного века Устюг-2 [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011]. Всего на памятнике за четыре полевых сезона изучено 19 курганов, из которых 3 (курганы 5, 27 и 49) оказались саргатскими, остальные относятся к раннему Средневековью. Поскольку почти все курганы, расположенные на окраинах поселения Устюг-2 и между видными

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

в рельефе землянками Устюга-3, нами уже вскрыты, считаем начальный этап исследования могильника завершённым. Материалы первых двух лет раскопок (2009-2010 гг.) опубликованы [Матвеева, 2012а], в данной статье предложен обзор средневековых погребальных сооружений и находок из работ 2011-2012 гг.

Некрополь расположен на левобережье Тобола близ Заводоуковска, в 3 км от д. Старо-Лыбаево. Маленькие насыпи в виде сегментов шара занимают мысовидный участок коренного берега, они расположены несколькими цепочками по линиям З–В и СЗ–ЮВ поперек мыса. Диаметр их составляет от 6 до 15 м, высота — от 0,3 до 1,5 м (рис. 1).

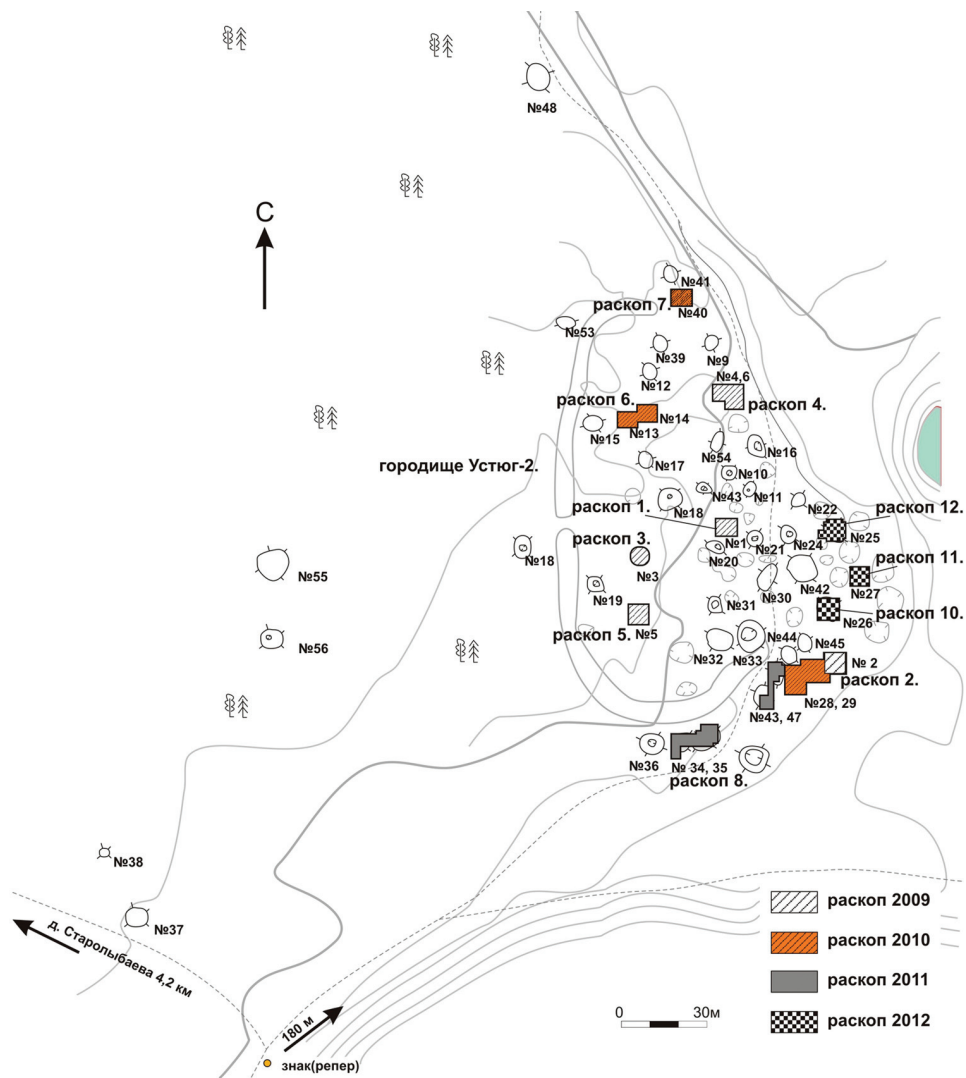

Рис. 1. План могильника Устюг-1

Для раскопок выбирались объекты, находящиеся на межземляночном пространстве поселений с тем, чтобы не затрагивать построек ранних периодов

обитания в данной местности. Однако, несмотря на это, насыпи и ямы под ними содержали многочисленные переотложенные артефакты — керамику, кости и кремьнь. В ряде случаев оказались задеты сооружения и ямы предшествующих могильнику поселений¹, не заметные в рельефе.

В 2011-2012 гг. были продолжены работы на раскопе 2, где вскрыты мелкие насыпи 43 и 47 с окружающим их пространством, а также взяты новые раскопы: раскоп 8 с курганами 34 и 35 одной площадью, раскоп 10 с курганом 25, раскоп 11 с курганом 26 и раскоп 12 с курганом 27 (рис. 1)².

При организации работ предполагалось, что намеченные к изучению курганы, находившиеся в разных частях некрополя, дадут материалы о пространственной и временной динамике развития кладбища.

КУРГАН 25. Раскоп заложен на задернованной насыпи, имевшей вид сегмента шара, на восточном склоне мыса, единственном высоком месте рядом с тремя неолитическими землянками (рис. 1). Насыпь имеет размеры 8×8,5 м, несколько вытянута по линии З–В, высота ее — около 45 см. Отчетливо фиксировалась прямоугольная грабительская яма, смещенная на 1 м к юго-востоку от геометрического центра кургана, возможно, из-за того, что во время ограбления там росло дерево.

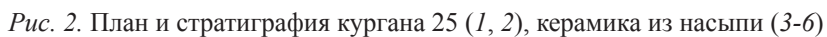
Стратиграфия: дерново-гумусный слой — 15-20 см; луговой чернозем — насыпь и заполнение могилы — 40-70 см; плотная серая супесь — 20-25 см, культурный слой предшествующих эпох обитания, явившийся погребенной почвой для кургана; материк — плотный светлый желто-коричневый суглинок (рис. 2, 2). Разрез через центр кургана отражает два слоя, связанных с формированием насыпи, — дерн и чернозем, а также два основных слоя, связанных с предшествующими периодами обитания на мысу, — черная супесь и плотная серая супесь. Центральная могила была засыпана по периметру мощным слоем переотложенного материка на высоту 0,8-1 м и при этом оказалась частично замаскированной. Черноземная насыпь просела в могилу только в центре, на участке в 70 см шириной, в который грабители не попали.

Почвовед А. С. Якимов³ дал следующие уточнения по стратиграфии: «В кургане 25 по краям могильной ямы выступают прямоугольные блоки желто-коричневого цвета, которые имеют крутые стенки под прямым углом в сторону могилы. При этом правый блок выглядит как отдельно стоящий останец. Установлено, что блоки представляют собой почвообразующую породу (археологический материк), не нарушенную хозяйственной деятельностью. Между не нарушенными блоками фиксируются зоны, заполненные материалом культурного слоя и гумусового горизонта. В результате сооружения могильной камеры почвообразующая порода на большей части кургана

¹ Поселенческие материалы неолита-энеолита и курганы раннего железного века здесь не рассматриваются. Данные об обнаруженных погребениях эпохи энеолита и бронзы опубликованы [Матвеева, 20126].

² Благодарю за помощь в раскопках А. С. Долгих и Г. Ф. Нагибина.

³ Вед. науч. сотрудник Института криосферы Земли СО РАН.

[illegible]

В насыпи найдено несколько обожженных зубов лошади. В юго-восточном секторе было скопление костей барана, попорченное норой, еще одно скопление костей животных обнаружено примерно в 1 м от предыдущего. Над погребением 3 найден развал средневекового сосуда (рис. 4, 4), также на периферии подкурганной площадки были отдельные черепки от бакальских сосудов (рис. 2, 3-6).

В кургане находились три погребения: одно центральное — погребение 2, два боковых — погребения 3 и 1. Номера им даны по порядку обнаружения и расчистки. Поверхность материка вокруг могил имела разную высоту, поскольку материковые останцы, располагающиеся по сторонам могилы 2, были изрыты в ходе жизнедеятельности на древнем поселении.

Погребение 1 (рис. 2) располагалось в северо-восточном секторе раскопа в слое чернозема, яма была не видна. Обнаружено по выступившим на глубине –88 см от условного нуля теменным костям человеческого черепа. Покойник был помещен вытянуто на спине, голова его приподнята относительно туловища и ног на 8-10 см (возможно, использовалась подушка из органических материалов), повернута лицом к западу. В целом дно могилы покатое от головы к ногам. Ноги плотно сомкнуты, вероятно, были подвергнуты пеленанию или связаны, руки были вытянуты вдоль туловища. Ориентировка скелета — по линии ССЗ–ЮЮВ. Кости позвоночника не сохранились, кисти рук также не уцелели, отсутствовала левая рука, от правой на месте были кости предплечья, от стоп ног — лишь несколько фаланг пальцев. Расстояние между головками бедренных костей очень маленькое, возможно, также из-за пеленания (рис. 3, 1).

Собраны поврежденные кости крышки черепа, верхнечелюстные кости, нижняя челюсть, второй шейный позвонок, поврежденные бедренные, большеберцовые, малоберцовые, тазовые, пяточные кости, одна поврежденная таранная кость, диафиз локтевой кости, два диафиза плюсневых костей от захоронения женщины в возрасте около 30-35 лет¹. Череп деформирован при жизни, имеет башневидную форму, которая нам не раз встречалась в других погребениях этого могильника, раздавлен землей. Среди костей женского скелета антропологом О. Е. Пошехоновой установлено наличие одной кости от другого скелета, а именно — передняя часть нижней челюсти от индивида 40-50 лет, которая располагалась возле нижней челюсти вышеописанного скелета. Возможно, с ней как оберегом (?) и была захоронена. Никаких других находок не было. Поэтому считаем погребение 1 разрушенным безынвентарным погребением раннесредневекового периода.

Погребение 2 (рис. 2) зафиксировано как прямоугольное с округлыми углами пятно, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Длина ямы составила 260 см, ширина — 133 см. Глубина в головном и ножном концах могилы различается на 15 см (головной приподнят). В захоронении оказались скелеты трех человек: взрослый, подросток и ребенок между ними (рис. 3, 2).

¹ Здесь и далее — определения антрополога О. Е. Пошехоновой, науч. сотрудника ИПОС СО РАН.

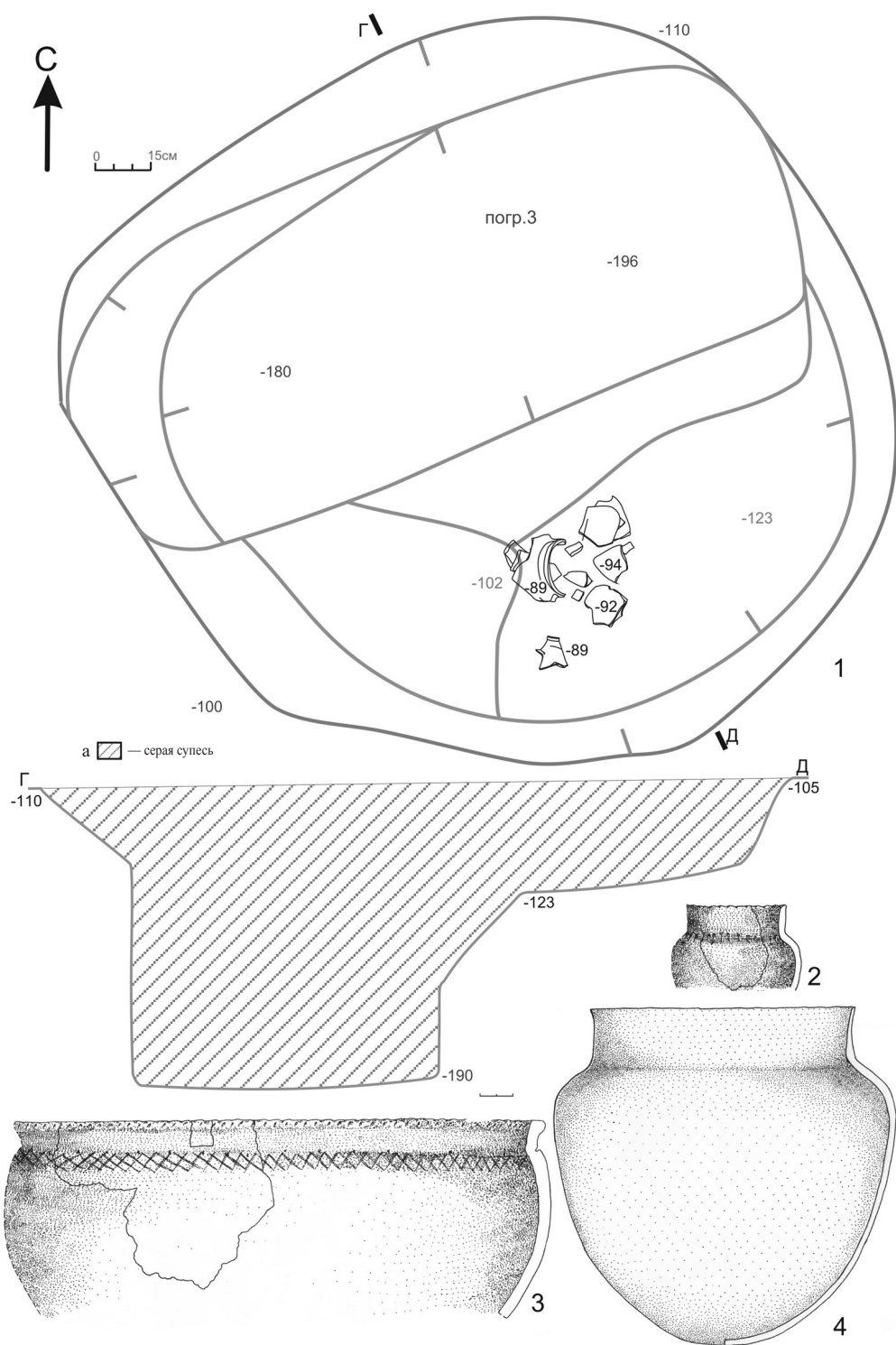

Рис. 4. План и разрез погребения 3 кургана 25 (I), керамика из погребения (2-4)

Удовлетворительно сохранились поврежденные крупные кости скелета женщины около 35 лет. Она была размещена вдоль западной стенки могилы: тело вытянуто на спине, голова повернута на северо-запад, руки вдоль туловища. Над головами ее и ребенка, который был помещен в середине, были поставлены четыре керамических сосуда. Они все разных форм и размеров: кувшин с кушнаренковским орнаментом (рис. 5, 5), бакальский горшок без узора (рис. 5, 7), какой-то легкий привозной (с добавлением кости в тесто) неорнаментированный горшочек с прямой шейкой (рис. 5, 10) и маленькая баночка с наклонной вовнутрь шейкой (рис. 5, 8). По левую сторону от женщины на расстоянии 13 см от голени был положен железный нож; под ногами лежали железные кольчатые удила (рис. 5, 9, 6).

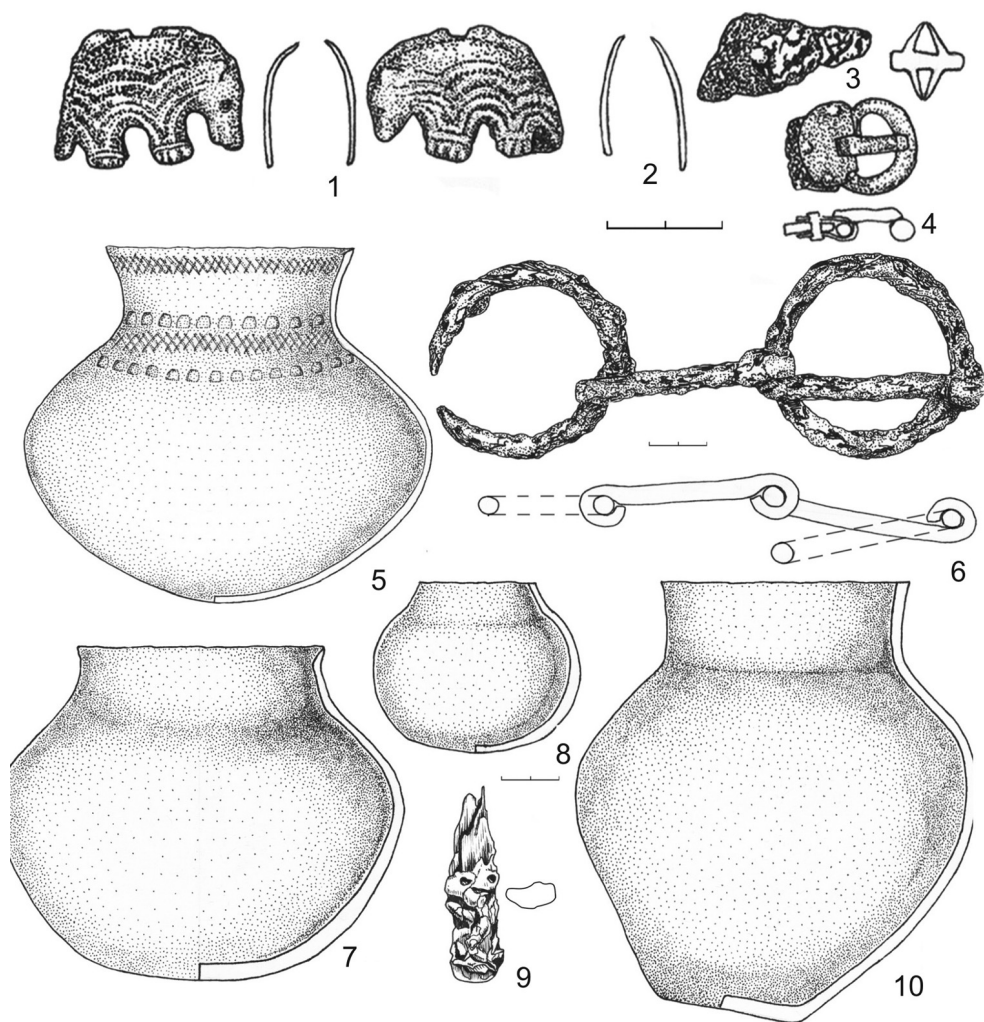

Рис. 5. Инвентарь из погребения 2 кургана 25:
1, 2, 4 — бронза; 3, 6, 9 — железо; 5, 7, 8, 10 — глина

Кости женского черепа оказались сильно изменены посмертно. Кроме того, присутствует и прижизненная деформация циркулярного типа, характерная для данного могильника. При жизни у женщины у корня верхнего правого клыка был абсцесс со свищом, оба верхних третьих моляра выпали, альвеолярный край в этом месте деградировал. По краям длинных костей зафиксированы короткие поперечные риски, борозды и царапины. На правой верхнечелюстной кости есть повреждение, похожее на разруб.

Ребенок в возрасте 4-5 лет располагался между двумя более взрослыми таким образом, что головы их были на одной линии (рис. 3, 2). Сохранность костей неудовлетворительная. На правой плечевой кости видны следы органики и окислы бронзы. На черепе присутствует прижизненная деформация циркулярного типа, характерная для данного могильника.

Между головами ребенка и подростка был положен нож, от которого сохранилась часть рукоятки с гвоздиками от крепления деревянной обкладки (рис. 5, 9). В области шеи и груди ребенка лежали бусы двумя неровными кривыми линиями (рис. 6); ниже располагались две бронзовые подвески в виде полых медведей, здесь же была бронзовая пряжка с подвижным язычком (рис. 5, 4).

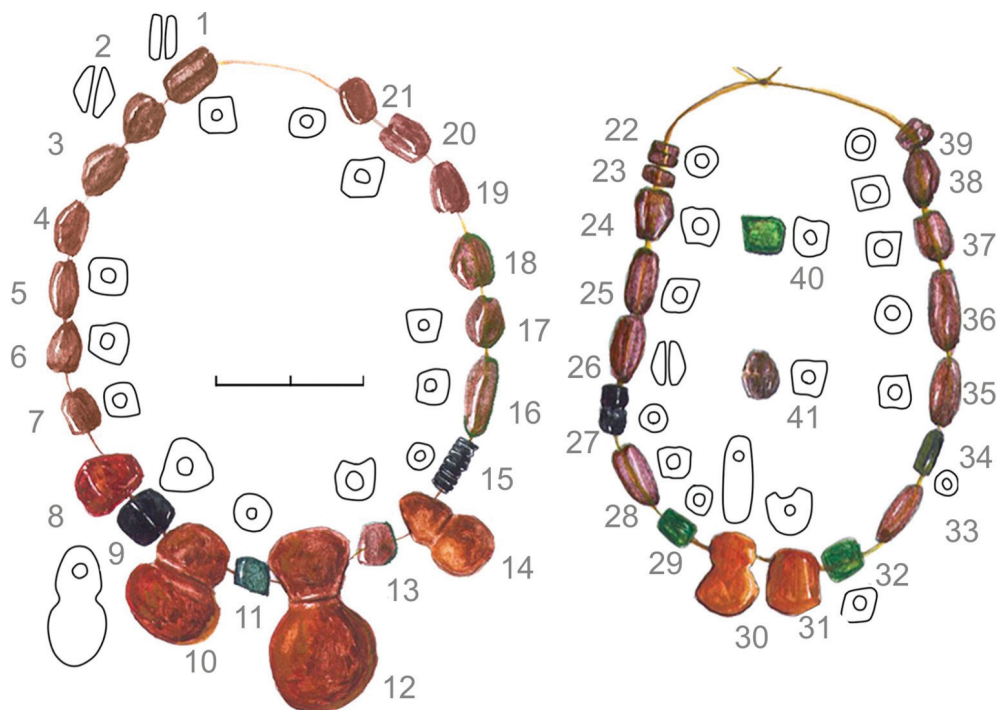

Рис. 6. Бусы из погребения 2 кургана 25

Скелет подростка в возрасте 15-17 лет располагался вдоль восточной стенки центральной могилы. Умерший был помещен вытянуто на спине, головой также на северо-запад, кости рук не сохранились. У него уцелели отдельные поврежденные кости черепной коробки и верхних отделов скелета. Череп

подростка сильно поврежден посмертными разрушениями. Кроме того, на нем фиксируются следы прижизненного кольцевого бинтования. На левой теменной кости есть прижизненное повреждение — обширный сруб. По краям длинных костей зафиксированы короткие поперечные риски, борозды и царапины. Передние поверхности длинных костей эрозированы в результате воздействия природных факторов.

Над и под погребенными был выявлен слой однородного тлена примерно около 0,5 см коричневого цвета от какого-то органического материала — бересты, кожи, дерева.

При раскопках установлено, что погребены три индивида, однако антропологом при анализе коллекции выявлены дополнительные останки. Это «лишние» зубы в количестве 4 штук, которые лежали между головами женщины и ребенка. Они категорически не подходят всем трем ранее описанным скелетам. Коренные зубы в этом сколении не сформированы до конца, поэтому не могут принадлежать человеку в возрасте 15-17 лет и тем более 35 лет. Вместе с тем относиться к ребенку они тоже не могут, т. к. слишком развиты для возраста 4-5 лет. Но и молочные зубы стерты, их корни начали рассасываться, а это тоже происходит позже, чем в возрасте 4-5 лет. Полагаем, что это выпавшие при жизни у первого и третьего индивидов зубы, сохраненные и помещенные вместе с покойными как часть их телесной сущности, сберегаемые многими традиционными народами ввиду существовавших магических представлений.

Погребение 3 располагалось под западной полкой кургана 25. Яма его сначала фиксировалась как округлая размером 2×2,2 м. Над ней были развалы двух бакальских сосудов (рис. 4, 2, 4), видимо, выброшенных бугровщиками, за ее пределами было скопление черепков от разбитого бакальского горшочка, декорированного резной решеткой по венчику (рис. 4, 3). При выборке могила имела плотное заполнение серого цвета, яма сужалась уступами, пока не приобрела прямоугольную форму, скорее всего, близкую к первоначальной. Размеры прямоугольного углубления составили 2,1×0,85 м, дно его корытообразное, максимальная глубина от материка — 96 см (рис. 4, 1). Все это указывает на многократное ограбление.

КУРГАН 26 находился на краю мыса в юго-восточной части некрополя около неолитических землянок (рис. 1). Насыпь овальная, вытянута в направлении 3—В. Размеры ее составили 8×9,5 м, высота — 0,6 м. Следы ограбления были отчетливо заметны по овальному понижению поверхности на 0,3 м на перекрестье центральных бровок. В кургане 26 оказалось одно захоронение.

Стратиграфия: дерново-гумусный слой — 10-12 см; насыпь сложена черноземом с находками предшествующего периода — от 40 до 70 см; грязно-желтая супесь — выбросы из могилы толщиной 15-40 см; темно-коричневая супесь — остатки слоя эпохи неолита-энеолита — 15-20 см; материк — грязно-желтый суглинок, переходящий в плотный желтый суглинок (рис. 7, 1).

В насыпи обнаружено несколько бакальских черепков (рис. 7, 2), развал сосуда с шаровидным туловом и короткой выгнутой шейкой (рис. 7, 4), другой маленький бакальский горшочек был рядом (рис. 7, 3). В заполнении

The figure consists of several parts:

- Site Plan (Top):** A map showing the layout of the Krasnaya Gora necropolis. It includes coordinates along the top (A-Z) and left (-102 to -119). Two pits are identified: "яма №1" (Pit No. 1) at approximately (-104, -102) and "яма №2" (Pit No. 2) at approximately (-128, -126). Numerous numbered points (e.g., -127, -98, -55, -110, -119, -120, -122, -126, -134, -143) mark specific archaeological features. A legend titled "Условные обозначения" (Legend) defines symbols for soil layers (дерново-гумусный слой, серая супесь, темно-серая супесь, светло-коричневый мешаный песок, коричневый песок), materials (желтый суглинок, выброс материк), and objects (керамика Бакальской культуры, кости животных).
- Detailed Drawings (Bottom):** Ten numbered illustrations of artifacts:
 - A fragment of pottery or bone.
 - A large, irregularly shaped pottery vessel.
 - A small, rounded pottery jar.
 - A larger, bulbous pottery jar.
 - A circular object, possibly a coin or medallion.
 - A rectangular object, possibly a tablet or plaque.
 - A small, irregular fragment.
 - A large, elongated object, possibly a piece of wood or bone.
 - A long, thin, curved object, possibly a knife or spearhead.
 - A cross-section diagram labeled "Разрез по линии В-Г" (Cross-section along line B-G) showing the stratigraphic profile of the site. It identifies "захоронение коня" (horse burial) and "погребение 1" (burial 1).

/ 11

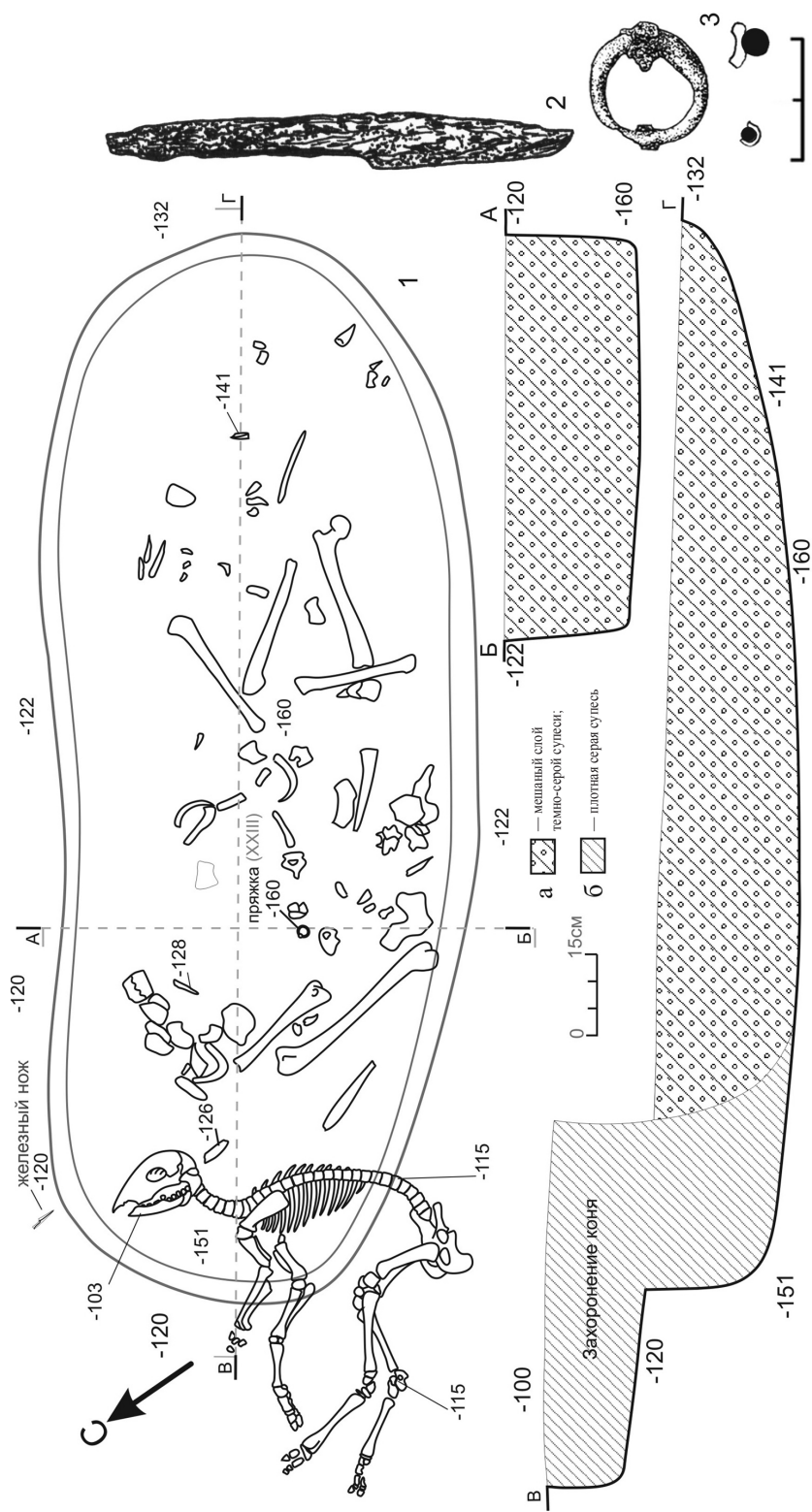

Рис. 8. План и разрез погребения 1 кургана 26 (1), находки из погребения (2, 3): 2 — железо; 3 — бронза

Ранних сооружений здесь не было, разнокультурная керамика и кремьнь равномерно распределены по площади раскопа, без каких-либо скоплений, что отражает, видимо, передвижения по периферийной части поселения с перемещением находок наружу к пониженным частям местности в силу естественных причин. Центр раскопа занимает прямоугольное пятно могильной ямы 1, обведенное контуром суглинистого выброса (рис. 7).

Над головным концом погребения 1 располагалось *захоронение коня*. Животное лежало на правом боку, головой на север, перпендикулярно длинной оси могилы, спиной к ее краю. Кости скелета были найдены *in situ*, расположенными горизонтально (рис. 9). Они не просели вниз, хотя под головой и холкой животного был головной конец могилы (рис. 8). Кости занимали участок квадратной формы размером 84×86 см. Нижний уровень их залегания находится на 5-7 см выше уровня краев могильной ямы по матерiku. Поэтому приходится предполагать, что под костями снаружи от ямы был либо не срезанный слой погребенной почвы, либо жерди перекрытия, положенного перпендикулярно длинной оси и далеко выходящего за пределы ямы, иначе они бы провалились при истлевании и ограблении вместе со скелетом, либо яма была сразу после захоронения засыпана.

Рис. 9. Вид на захоронение жеребенка

Погребение 1 — прямоугольная яма с заполнением из темно-серой мешаной супеси (рис. 8, 1), по длинной оси ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Размеры ее по верху составили 2,6×1,07 м, по низу — 2,5×1,1 м. Дно могилы

в ее юго-восточной части было приподнято примерно на 10 см выше, чем в северо-западном конце. Стенки погребения отвесные, глубина — 0,32-0,20 м от материка. Грабительская яма пронизывала его и достигала дна, все кости скелета человека были смещены и перемешаны. Из инвентаря на дне могилы была обнаружена только бронзовая пряжка с остатками вогнутого язычка, выходящего вперед за края рамки (рис. 8, 3).

От скелета мужчины в возрасте 40-45 лет сохранились несколько ребер, костей фаланг и стопы, таранные, тазовые кости, крестец, несколько позвонков, кости верхних и нижних конечностей, поврежденные кости почти полного черепа. По краям длинных костей, ребер и ключицы зафиксированы короткие поперечные риски, борозды и царапины. При жизни выпали нижний левый первый резец, левый клык и левый первый премоляр. Правое подглазничное отверстие очень крупное, возможно, из-за патологии. На позвонках имеются остеофиты. Кости черепа относительно тонкие для этого индивида по сравнению с костями посткраниального скелета, они изменены посмертно. Кроме того, присутствует и прижизненная деформация циркулярного типа.

КУРГАН 27 содержал саргатское погребение под южной полкой. Имелось ли в кургане 27 средневековое погребение, однозначно определить трудно. Размер насыпи и расположение ее вершины вдалеке от саргатского погребения 1 указывают как будто бы на наличие периферийной могилы с севера и произведенной потом подсыпки. Но по размерам соответствовать такой могиле может только яма № 12 овальной формы, размером 0,6×1,2 м, глубиной 0,39 м, в которой мог быть похоронен младенец. Тогда и выброс в квадрате В-2 кургана 27, зафиксированный на уровне -67 см, может быть отнесен к этой яме, а средневековая керамика (рис. 7, 7) предположительно может быть связана с поминками. Однако ни костей человека, ни находок сама яма № 12 не содержала. Она была также ограблена, судя по ступенчатому рельефу ее дна.

КУРГАНЫ 34 и 35 исследованы общим раскопом вместе с их межкурганым пространством. Диаметр кургана 34 — 6,5 м, высота — 0,8 м. Форма близка к сегменту шара. В середине его была видна задернованная западина от ограбления в прошлом. Курган 35 находился на краю террасы в юго-западной части некрополя за пределами визуальной определяемой границы поселения Устюг-2, примерно в 15 м от его вала (рис. 1). Следы ограбления были заметны по овальному понижению поверхности на перекрестье центральных бровок. Высота его — 30 см, размеры оплывшей насыпи были 6×8 м. Поскольку в юго-восточном поле кургана 35 было большое дерево, она полностью не вскрыта. Для выборки южного торца могилы 3 был сделан треугольный врез в этот сектор под корни березы.

В кургане 34 оказалось одно захоронение, между курганами — еще одно, в кургане 35 — две могилы (рис. 10).

Стратиграфия (рис. 11, 2): дерново-гумусный слой — 6-10 см; насыпь сложена черноземом с находками предшествующего периода — от 40 до 70 см;

грязно-желтый песок с темными включениями — выбросы из могил, мощность 15-40 см; материк — грязно-желтый песок, на дне могил переходящий в плотную желтую супесь. Погребенная почва не фиксируется.

В насыпи кургана 34 найдены черепки от маленького бакальского горшочка, скопление костей от челюстей лошади, венчик с резным узором, средневековый черепок с ногтевыми вдавлениями в декоре, часть чаши с защипами (рис. 11, 3). В кургане 35 в насыпи найдены бакальский черепок, карымский черепок с ромбическим штампом, фрагмент чаши с насечками по бортику.

Рис. 10. Вид на центральную часть кургана 34 на фоне материка

Могилы выявились прямоугольными пятнами с черным мешаным заполнением, окруженными кольцами выбросов. Они получили номера 1-4, поскольку находились в пределах одного раскопа и были расположены в одном ряду, занимая 15 м по прямой, по линии СВВ–ЮЗЗ. Однако они были ориентированными не стандартно, а с небольшими отклонениями, вероятно, обусловленными разными сезонами, в которые проводились захоронения (рис. 11). Интервалы между ними также неодинаковые, явно видно, что погребения 3 и 4 относились к одному кургану, погребение 1 — к другому, погребение 2 — к третьему, последнее было совершено между уже насыпанными курганами. Захоронение лошади было размещено рядом с погребением 1 и сливалось с ним в одну общую яму.

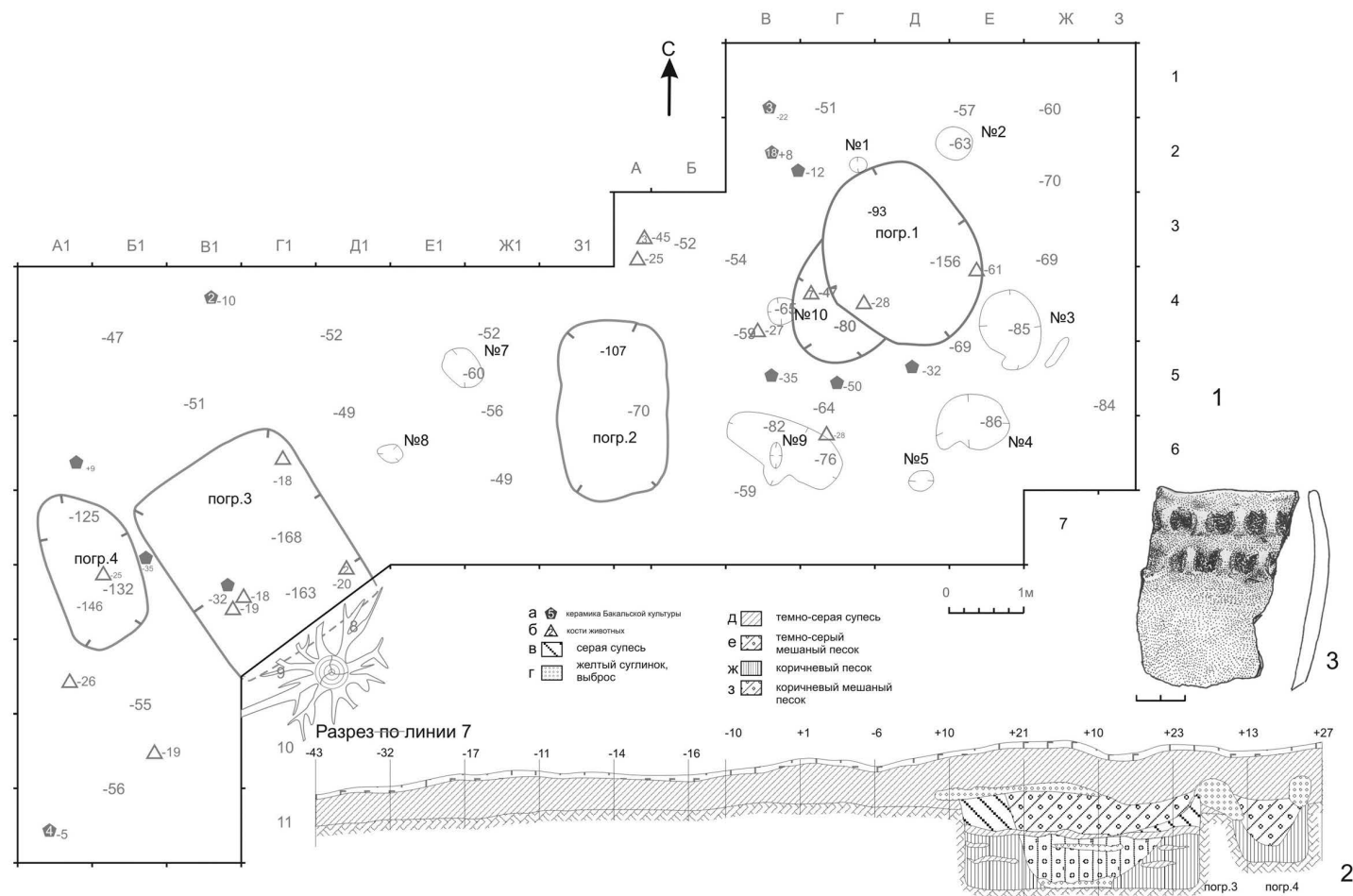

Рис. 11. План и стратиграфия курганов 34 и 35 (1, 2), находки из насыпи (3)

Захоронение коня выявилось при разборке нижней части насыпи кургана 34 по крупной железной пряжке с язычком и бронзовым кольчатым псалиям со сломанными железными кольцами удила (2 ед.), лежавшими поверх головы животного (рис. 12, 2, 4, 6). После расчистки оказалось, что уровень расположения костей соответствует уровню материка и чуть выше — на 8-10 см. Нижняя часть скелета располагалась в неглубокой яме в материке, на 24 см врытой в него с условного уровня погребенной почвы. Лошадь положена по линии З-В, голова была закинута за спину, согнутые кости конечностей фиксировались несколько выше, чем кости грудной клетки и позвоночника (рис. 9). Создается впечатление, что животное было завалено в вырытую под него яму размером около 1,7×1,5 м крупом вниз и вверх ногами (рис. 12, 1).

Скелет залегал в культурном слое горизонтально, однако под его восточной частью находилась яма погребения 1. Если он был положен на не сохранившееся бревенчатое перекрытие, то по истлеванию его должен был, хотя бы частично, опуститься в могильную яму. Поскольку этого не произошло, следует предполагать, что могила 1 кургана 34 была сначала полностью засыпана, а потом на ее юго-западном краю разместили лошадь. Планиграфические наблюдения показывают, что по периметру ее скелета имеются узкие и более яркие пятна выбросов песка от рытья ямы, заполнение вокруг него темно-серое, как и везде в насыпи, а в западном углу — серовато-коричневое, будто одна яма прорезает другую.

Таким образом, мы склоняемся ко второму варианту объяснения соотношения могилы 1 и погребения коня: его подхоронили позже, чем человека, не взнузданным, а положили уздечку и седельный ремень с пряжкой поверх морды. Но поскольку инвентарь конской упряжи также относится ко времени раннего Средневековья, как и могила 1, то интервал между захоронениями, вероятно, составил несколько дней, месяцев или лет.

Погребение 1 (рис. 11, 1) выявилось как трапезиевидное пятно темно-серой супеси размером около 3,5×3,5 м с полукруглыми скобками узких выбросов в 10-15 см шириной и валиком мешаного грунта по всему периметру, фиксирующимися в горизонтальном положении. Внутренняя темно-серая часть заполнения ямы имела гантелеобразную форму, образовавшуюся из-за внедрения бугровщиков в погребение с юго-востока. Стенки слабо наклонены, глубина — 0,96-1,0 м от материка.

Собственно, могильная яма имела округлую форму, по длинной оси ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры ее составили по верху 2,45×2,05 м, по низу — 2,3×1,9 м (рис. 12, 1). Скелета человека не было. В предполагаемом изголовье обнаружена трубчатая кость животного. Сосуды стояли на дне могилы в восточной ее половине: два плоскодонных глиняных кувшина без орнамента, один целый из светлой глины (рис. 12, 10), другой — закопченный, узкогорлый, обнаружен раздавленным (рис. 12, 9). Железный нож найден у северной стенки могилы, он сильно коррозирован (рис. 12, 5).

Погребение 2 (рис. 11, 1) обнаружилось на расстоянии 2,5 м от погребения 1 к западу-юго-западу. Оно было размещено между курганами 34 и 35 в овальной могильной яме, ориентированной по линии С–Ю, окруженной кольцом выброса шириной 0,5-0,6 м (рис. 13, 2). Современная поверхность над ним приподнята на 15 см, что, видимо, отражает существование самостоятельной насыпи диаметром около 3 м над могилой, ныне не видимой в рельефе на фоне более заметных соседних курганов. Выбросы из ямы лежат горизонтально вокруг нее, в 10 см над материком. Если сравнить их с курганом 35, то там выбросы лежат выше, в 15 см над материком. Это может свидетельствовать в пользу более позднего характера погребения 2 относительно погребения 3, если предполагать, что грунт вокруг обсуждаемой могилы был срезан для насыпи кургана 35.

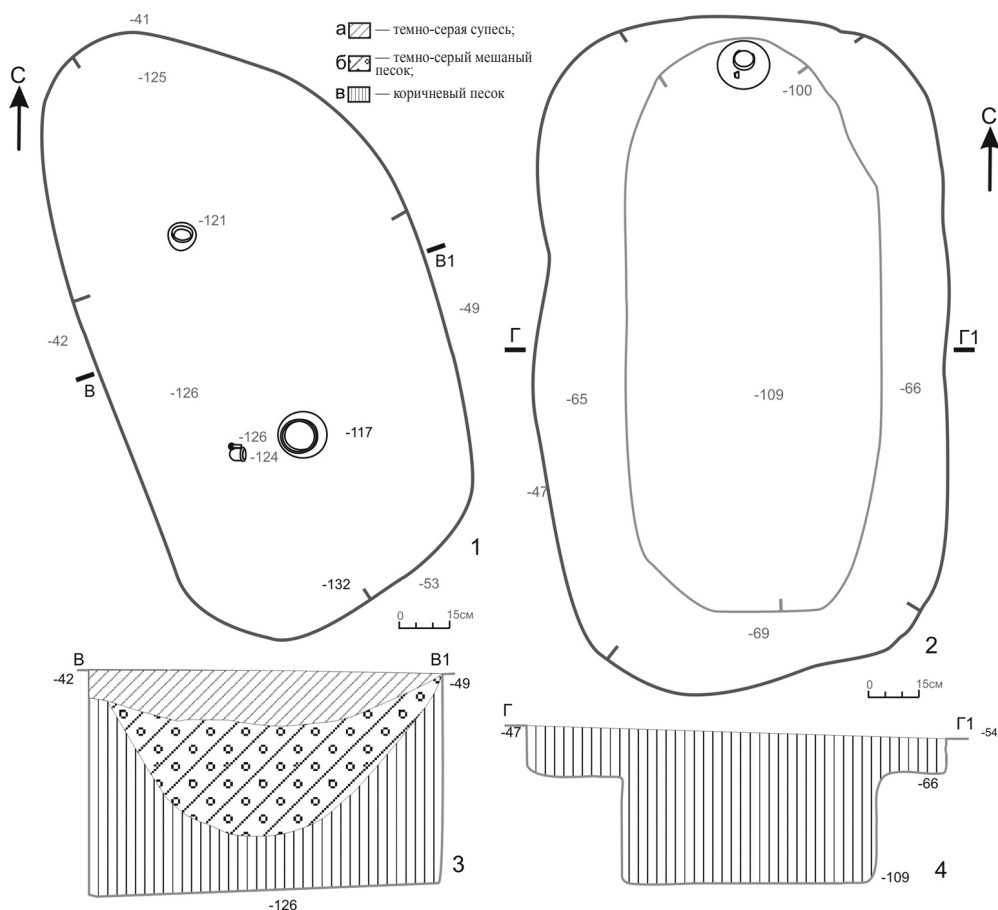

Рис. 13. План и разрез погребения 4 кургана 35 (1, 3) и погребения 2 кургана 34 (2, 4)

Погребение 2 заполнено светло-коричневым песком, в середине имеется след грабительского вкопа в виде черноземного слоя, опускающегося в заполнение ямы.

На материке размеры могилы 2 составили $2,45 \times 1,52$ м, глубина — 0,55 м от уровня материка (рис. 13, 2). Вдоль длинных стенок отмечены заплечики на глубине 0,13-0,15 м. Не дне могила сузилась до $2,08 \times 0,93$ м. В северном конце у стенки стоял приложенный горшок без орнамента с вертикальной надколотой шейкой (рис. 15, 6). Больше ничего не найдено, кости скелета отсутствовали.

Погребение 3 (рис. 11, 1) обнаружилось на расстоянии 3,5 м от погребения 2 к юго-западу, под центром кургана 35. Заполнение могилы нестандартное, состоит из прослоек мешаного грунта, в середине видна коническая грабительская яма, сначала с мешаным темно-серым, потом мешаным коричневым заполнением. По краям оно было светло-серым мешаным толщиной 40 см, затем прошла тонкая темно-серая линза толщиной 5-10 см, ниже началось светло-коричневое заполнение из плотного песка вроде обрушенного материка толщиной 70-75 см. В верхних горизонтах заполнения встречались мелкие вкрапления прокаленного песка и угли. Интересно, что слои в яме залегают горизонтально, что возникло, скорее всего, вследствие открытого ее состояния после ограбления (рис. 14, 2). Желтый выброс толщиной 12-14 см перекрывает грабительскую яму и часть могилы, не затронутую вкопом, поэтому, вероятно, что грабительский лаз был сделан узким колодцем и расширен только на дне.

На уровне материка могила приобрела квадратные очертания и размеры $3,5 \times 3,5$ м. По всему периметру были видны оползшие вниз выбросы шириной около 0,6 м. По дну ее размеры составили $2,8 \times 2,35$ м. Ориентировка захоронения — по линии СЗ-ЮВ, глубина — 1,1 м от уровня материка (рис. 14, 1).

Под наружными третями площади могилы, вдоль стен, выявились остатки захоронения — два прямоугольных со скругленными углами пятна древесного тлена коричневого цвета, продольно перечеркнутых серыми полосками иного, выше фиксировавшегося заполнения, в северных углах которых обнаружили горловины керамических сосудов. Максимальные размеры линз составили: 268×85 см — у левого пятна, 265×80 см — у правого. В дальнейшем пятна продолжались до глубины — 168 см и производили впечатление остатков двух гробов, внутри которых или на которых был размещен инвентарь, положенный с каждым из двух покойников сепаратно. Поэтому считаем, что захоронение парное (рис. 14, 1). Но скелетов умерших в данном погребении не оказалось, то ли вследствие ограбления, произошедшего спустя непродолжительное время после погребения, то ли потому, что они изначально не были помещены в могилу (кенотаф?).

Гроб 1, который был поставлен вдоль западной стенки ямы, содержал три глиняных сосуда в изголовье: кувшин (рис. 14, 5), миниатюрный стаканчик без орнамента (рис. 14, 3) и маленький бакальский горшочек с насеченным венчиком и прямой короткой шейкой (рис. 14, 6). Вместе они образовывали треугольник. Коррозированный железный нож лежал в 17 см восточнее большого кувшина параллельно торцевой стенке вместилища (рис. 14, 4). Вещи занимали всю северную часть описанного гроба.

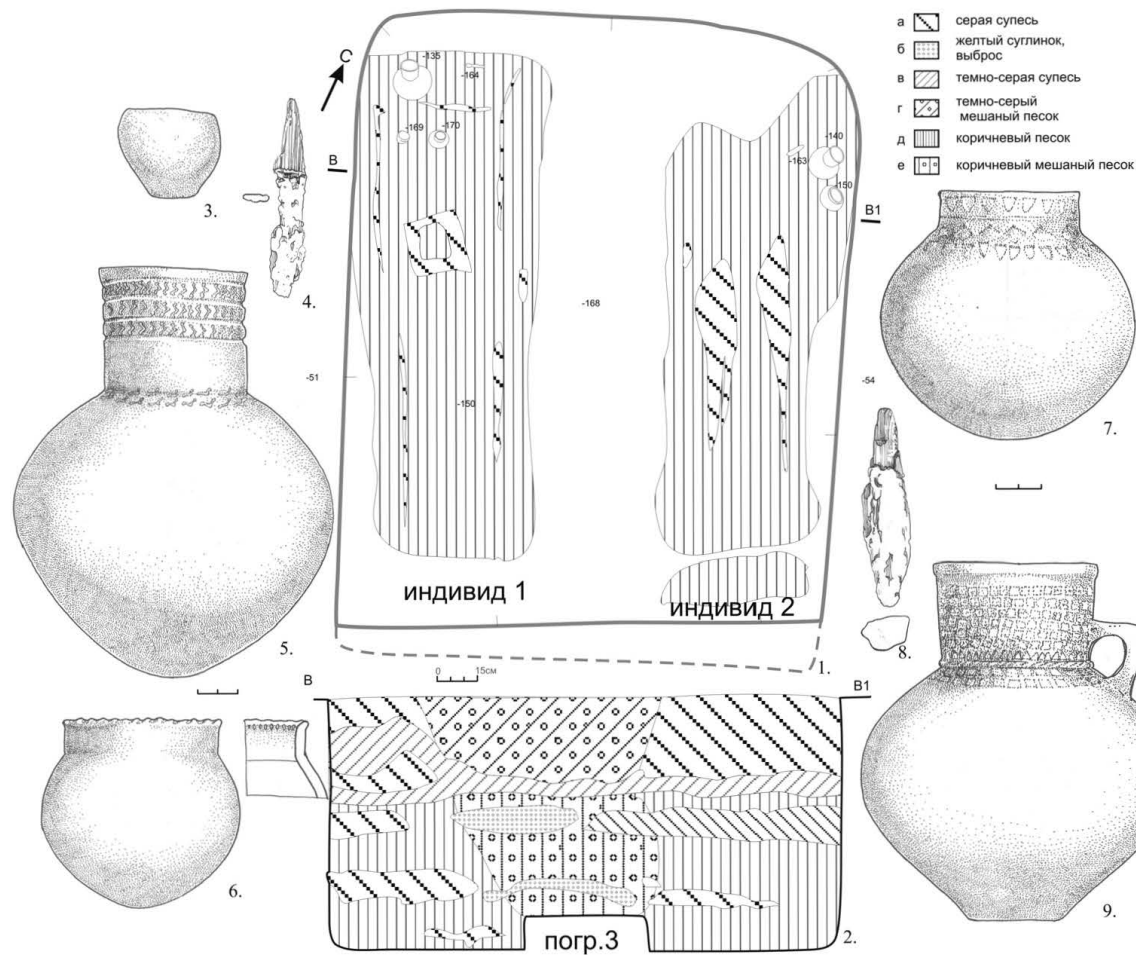

Рис. 14. План и разрез погребения 3 кургана 35 (1, 2), инвентарь из погребения (3-9): 4, 8 — железо; 3, 5-7, 9 — глина

Гроб 2, расположенный вдоль восточной стенки ямы, содержал два сосуда, один из которых — горшочек с разбитой горловиной (рис. 14, 7), другой — целый плоскодонный кувшин, с ручкой и высокой горловиной, украшенной ромбическим штампом, с тонким валиком в виде веревочки на переходе от шейки к плечу (рис. 14, 9). Кроме того, у кувшина был положен железный нож (рис. 14, 8). Вещи относительно симметрично с вещами индивида 1 занимали северо-восточный угол вместилища, будучи поставленными внутри него.

Погребение 4 обнаружилось в нижней части насыпи в виде прямоугольного пятна со скругленными углами размером 2,15×1,2 м, состоявшего из мешаного грунта с черным овалом в центре. Оно находилось всего в 20 см западнее погребения 3 и было ориентировано одинаково с ним (рис. 11, 1; 13, 1). Яма погребения 4 сделана с уровня почвы на 15 см выше, чем у предыдущего, а выбросы лежали по обеим длинным сторонам небольшими валиками по 35-40 см высотой и 25-35 см шириной, из чего возникает предположение, что оно вводное, введено в насыпь, а курган с запада досыпан. Следы досыпки не фиксируются, вероятно, вследствие малой ее толщины и активных почвообразовательных процессов. При раскопках размеры могилы несколько увеличились и составили 2,3×1,28 м, это обусловлено тем, что выброс оплыл назад в яму, прикрыв ее края. Стенки ямы отвесные, дно — неровное, в изголовье выше, а в ножном конце — ниже на 7 см, глубина — 0,75-0,8 м от материка (рис. 13, 1).

В могиле по ее центру были поставлены: маленький плоскодонный горшочек без орнамента (рис. 15, 6), находившийся в области изголовья; круглодонный горшок с плоским венчиком и орнаментом в виде пояса ямок и миниатюрный круглодонный горшочек без узора (рис. 15, 5, 1). Севернее миниатюрного сосуда лежали бронзовая пряжка и нож (рис. 15, 3, 2). Костей скелета не было, но считать это следствием ограбления не приходится. Во-первых, темный конус, видимый сверху в разрезе, не достигал дна, поэтому, скорее всего, это просела вниз насыпь после разрушения перекрытия (рис. 13, 1). Кроме того, нижние 20 см заполнения составлял однородный песок коричневого цвета. Во-вторых, все вещи расположены *in situ* так, что места для тела не оставлено. Поэтому полагаем, что это был кенотаф.

КУРГАН 43. Раскоп 2 был расширен таким образом, что соединил едва заметную насыпь кургана с раскопом 2010 г. на курганах 28 и 29 и с участком, вскрытым в 2009 г. на кургане 2. Таким образом, четыре кургана оказались исследованы широкой площадью. Курган 43 находился на самой оконечности мыса на склоне террасы (рис. 1). Он был задернован, замечен как небольшое возвышение высотой около 15 см. Насыпь имеет размеры 5×4,5 м, вытянута по линии СВ-ЮЗ и выглядит как ровная подтреугольная площадка. За курган 47 мы ошибочно приняли южную часть гантелевидного возвышения размерами около 3,5×2 м и 3,5×4 м, высотой около 20 см, однако могил и находок в нем не оказалось.

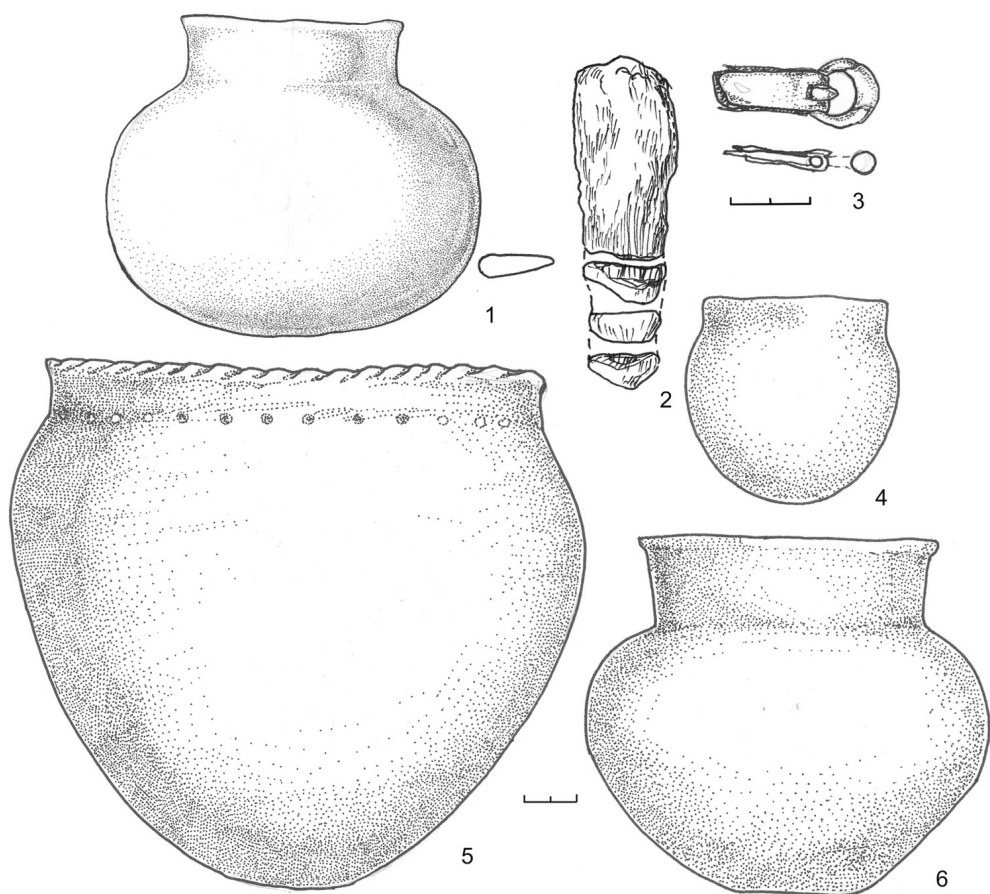

Рис. 15. Инвентарь из погребения 4 кургана 35 (2-6) и погребения 2 кургана 34 (1):
2 — железо; 3 — бронза; 1, 4-6 — глина

Стратиграфия: дерново-гумусный слой — 10-15 см; луговой чернозем — насыпь и заполнение могилы — 40-45 см; плотная темно-серая супесь — 10 см, заполнение ям предшествующих эпох обитания; материк — плотный грязно-желтый суглинок с серыми вкраплениями (рис. 16).

В насыпи обнаружены votivное бронзовое втульчатое копье (рис. 16, 3), несколько бакальских черепков (рис. 16, 4) на удалении 3-4 м от могилы 4, поэтому связь их с захоронением не очевидна.

Погребение 4¹ (рис. 16) располагалось в середине раскопа в овальной яме размером 1,6×0,8 м с корытообразным дном, как раз под северной оконечностью гантелевидного возвышения (рис. 1). Глубина ее составила 48 см, ориентировка — по линии СВ-ЮЗ (рис. 16, 2). Никаких находок не было, однако найденное выше, видимо, в грабительском выбросе из могил миниатюрное копьцо находилось в 10 см от северо-восточного края ямы и

¹ Продолжает нумерацию могил раскопа 2 за 2010 г.

могло относиться только к ней. Поэтому считаем ее разрушенным детским погребением раннесредневекового периода.

Все рассматриваемые курганы сооружены в эпоху раннего Средневековья. Установлено, что над могилами, расположенными между курганами, тоже делали малые насыпи диаметром 2,5-3 м, ныне они оказались сnivelированными. Впервые в данном некрополе обнаружены кенотафы в виде помещенных в гроб сосудов, мясной пищи и ножей, все это — в отсутствие костей от скелетов покойников.

Керамика из насыпей представлена горшками и чашами с обедненной орнаментацией в виде наколов, защипов, резной решетки, ямок вдоль бортика, а также кувшинами кушнаренковского облика и явно чуждой по технологии изготовления (с примесью жженой кости¹ и в тесте) среднеазиатской керамикой [Матвеева, Кобелева, 2013]. Вся посуда находит аналогии в комплексе ближайшего городища — Старо-Лыбаевского, относимого к бакальской культуре [Овчинникова, 1969], а также в других ее памятниках, например Коловском, Усть-Терсюкском городищах [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008, рис. 15-17].

Для датировки курганов рассмотрим инвентарь по погребениям.

В кургане 25 погребение 1 как безынвентарное не имеет оснований для абсолютной датировки, но поскольку расположено под насыпью средневекового погребения 2, несомненно, относится к тому же времени. Погребение 3 полностью ограблено и определено как средневековое по типичным сосудам бакальской культуры из заполнения и грабительского выброса (рис. 4, 2, 4). Это круглодонные горшки с узором насечкой в виде решетки по плечикам и бортику, тесто грубо сформовано и заглажено, имеет примесь крупного шамота.

Погребение 2 содержало крупные кольчатые удила, характерные для конца раннего железного века и Средневековья. Обломки ножей мало информативны, т. к. форма их плохо читается.

Основанием датирования является наличие маленькой бронзовой овально-рамчатой пряжки размером 1,7 см с сегментированным щитком, в котором видны три гвоздика-заклепки, и прогнутым тонким обломленным язычком (рис. 5, 4). Подобные пряжки бронзовые круглорамчатые и овально-рамчатые с сегментированным круглым щитком и подвижным язычком известны в других погребениях этого могильника и в Козловом Мысу-2 [Матвеева, 2012в, рис. 58]. По наблюдениям В. Ю. Малашева, они появляются, вероятнее всего, в начале IV в. [Малашев, 2000, с. 209]. В другой статье К. В. Воронин и В. Ю. Малашев, рассматривая комплексы Северного Кавказа, пишут, что такие пряжки могут находиться в рамках конца III — первой трети IV в. [Воронин, Малашев, 2006, с. 56]. Аналогии находим в Варнинском некрополе [Семенов, 1980, табл. X-1], ранних памятниках джетыясарской культуры, например погребение 66 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 124, 26]. Ориентируясь на очень маленькие размеры нашей пряжки, датировем ее более ранним отрезком — конец III — начало IV в.

¹ Определение к. и. н. Л. С. Кобелевой из ИАЭТ СО РАН.

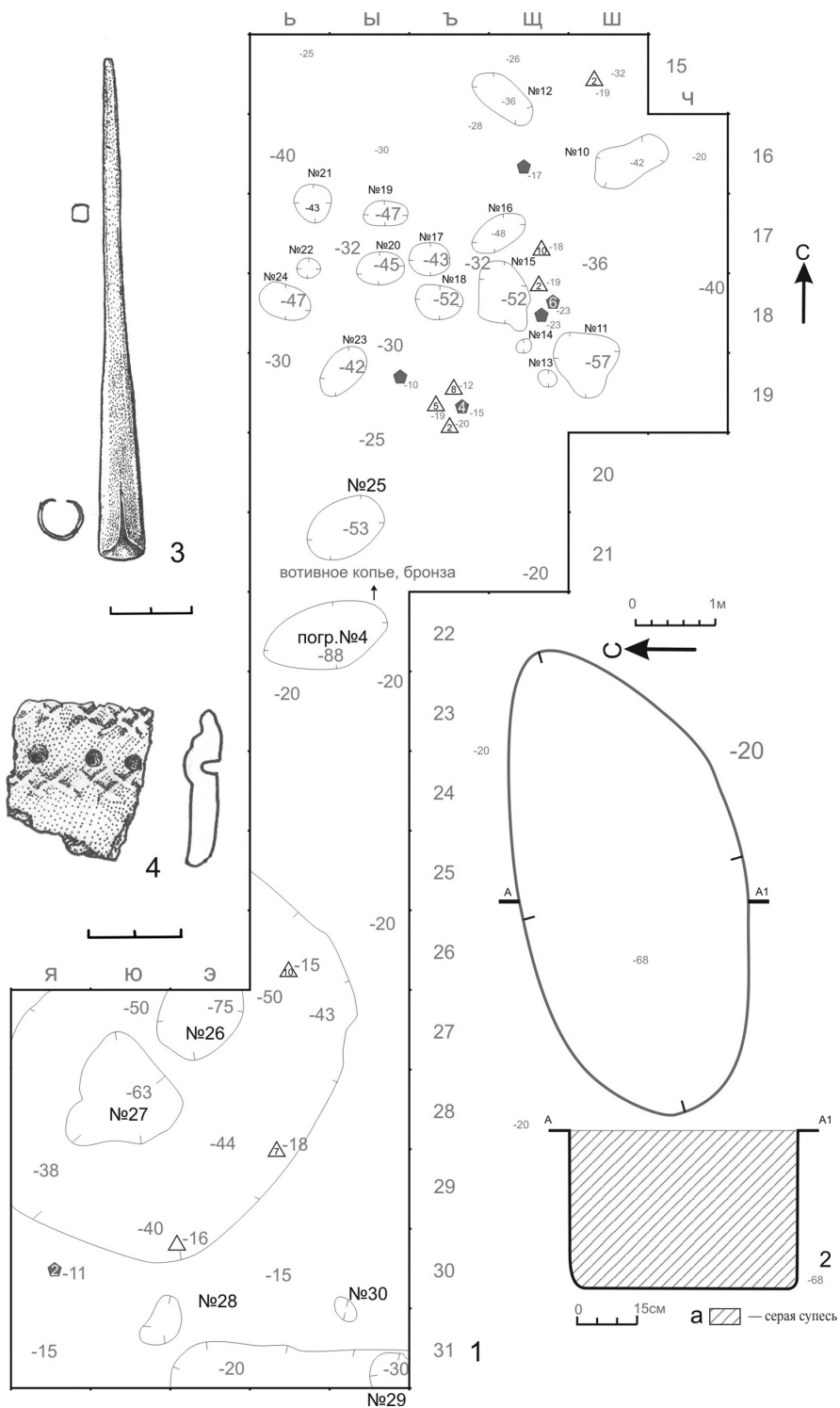

Рис. 16. План кургана 43 (1), план и разрез погребения 4 кургана 43 (2), вотивное бронзовое копье из погребения (3)

Подвески в виде стоящих медведей или росомах, парные бронзовые полые литые с отверстием в спинке для подвешивания (рис. 5, 1, 2), широко известны на рубеже раннего железного века и Средневековья на Урале и в Зауралье. Они бывают разного вида по технологии изготовления: гладкие или с рельефным литым узором шнурами и желобками. У нас изделия второго вида, аналогии которому известны в Приуралье и Западной Сибири в памятниках III-V вв., например в Абатском-3 и Красноярском могильниках [Матвеева, 1994, рис. 69, 2, 5; Казанцева, 1988, рис. 3, 35], Козловском [Матвеева, 2012в, цв. вкл. V, 4] и Ипкульском могильниках [Чикунова, 2012].

Наиболее информативны для определения даты бусы стеклянные из глухого стекла — 35 ед., и янтарные подвески — 6 ед. (рис. 6). Для удобства пользования информацией разместим данные о форме изделий, размерах, датировке и аналогиях в табл. 1.

Таблица 1

Описание стеклянных бус из кургана 25

Форма	Цвет	Размер	Дата	Аналогия
Удлиненно цилиндрическая — 1 ед.	Голубой глухой	5×2,5 мм	IV-VII вв.	Левина, 1996, рис. 145, 31
Бисер двухчастный — 1 ед.	Черный	3×2,5 мм	I-IV вв.	Там же, рис. 146, 11
Коротко цилиндрическая — 1 экз.	Голубой	5×3,5 мм	VI в.	Голдина, 2010, рис. 30, Тип 1A30
Параллелепипедная удлиненная — 5 ед.	Темно-коричневый полупрозрачный	10×4 мм	II в. до н. э. — VIII в. н. э.	Галибин, 2001, с. 138
Коротко цилиндрическая — 3 ед.	Темно-коричневый полупрозрачный	5×2,5 мм	IV-VII вв.	Там же, рис. 146, 4, 8
Веретеновидная — 1 экз.	Темно-коричневый полупрозрачный	10×4 мм	?	?
Пирамидальная 4-гранная — 10 ед.	Полупрозрачный темно-коричневый	7×3,5 мм	II в. до н. э. — XIV в. н. э.	Галибин, 2001, с. 158
Удлиненно цилиндрическая — 1 ед.	Голубой	6×2,5 мм	IV-VII вв.	Левина, 1996, рис. 146, 1
Трехгранно-призматическая — 1 ед.	Черный	7×7 мм	IV-VII вв.	Там же, рис. 146, 54
Удлиненно цилиндрический спирально навитой бисер — 1 ед.	Черный	8×2,5 мм	III-IV вв.	Алексеева, 1978, табл. 33, 83
Параллелепипедная — 1 ед.	Светло-зеленый прозрачный	5×4 мм	III-IV вв.	Мажитов, 1968, табл. 4, 18
Коротко цилиндрическая — 2 ед.	Бирюзовый прозрачный	5×4 мм	IV-VII вв.	Левина, 1996, рис. 146, 22

Бусы из темно-коричневого полупрозрачного стекла (рис. 6, 22-26, 35-39) довольно редки в находках. В обширной сводке химических анализов стекла

В. А. Галибина читаем, что коричневое прозрачное стекло характерно для аридной зоны Востока и изготавливалось на золе солончаковых растений во II в. до н. э. — XIV в. н. э. [Галибин, 2001, табл. 36.2, 36.4]. В его же каталоге проанализированных бус находим коричневое прозрачное стекло, но в крупной бусине из могильника Маяки позднесарматского времени, а также в обломках стеклянных сосудов из Пенджикента VIII в. н. э. [Там же, с. 138, 152].

Пронизки уплощенные из янтаря тусклого оранжевого цвета восьмеркообразной формы (4 ед.) имеют разные размеры — от 1 до 2,3 см (рис. 6, 10, 12, 14, 30). Отверстие расположено в верхней окружности. Е. М. Алексеева их называет подвесками грибовидной формы и датирует III-IV вв. н. э., отмечая, что они зарождаются в III в., но становятся популярными в IV в. и продолжают встречаться в V в. [Алексеева, 1978, с. 24, 25, табл. 24, 9, 17]. Еще две подвески обломлены на месте перетяжки между округлостями, так что получились бусы в виде четвертинки уплощенной круглой линзы (рис. 6, 8, 31). Такие экземпляры широко известны в Западном Крыму, на Кавказе, в черняховской культуре и памятниках Западной Европы. Они также имеются в неволинских памятниках ранней стадии — IV-V вв. [Голдина, 2010, рис. 30, Тип ХА10].

Таким образом, бусины всех типов, распространенные на рубеже раннего железного века и Средневековья (табл. 1), позволяют датировать погребение около IV в. н. э.

Хронологические рамки сооружения кургана 26 могут быть определены по пряжке и бляшам. Пряжка бронзовая круглорамчатая бесщитковая имеет размер 2,3 см, с утолщенной передней частью кольца и с подвижным язычком из железа (рис. 8, 3). Она из-за коррозии сохранилась только фрагментарно на рамке, но видно, что язычок заходил за рамку. Такой тип пряжек с утолщенными спереди кольцами и язычками без прогиба (?) В. Ю. Малашев датирует с IV в. [Малашев, 2000, с. 209]. Аналогии этим вещам находим в инвентаре позднесарматских захоронений, погребений азелинского этапа худяковской культуры, в джетыясарской культуре, например погребения 76-2 и 314 в могильнике Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 123, 15, 19].

Выпуклые бронзовые бляшки с отверстиями для пришивания имеют прямоугольную форму со скругленными углами и размеры 1,8×2 см, и 2,2×2 см (рис. 7, 8, 9). Аналогии они находят в предметах декора конской упряжи из могильников Сырдарьи джетыясарской культуры [Там же, рис. 110], некрополей Приуралья и Прикамья. Например, в Тураевском могильнике найдены похожие бляшки, но там они чуть меньше по размерам [Голдина, Бернц, 2010, табл. 211, 16].

Погребения 1, 2 кургана 34 и погребение 3 кургана 35 содержали керамику бакальской культуры, сосуды с кушнаренковским декором и неорнаментированные сосуды кувшиновидных и баночных пропорций, а также железные ножи. Их дата может определяться на основании сходства с погребениями, содержащими близкую по формам и декору керамику, из курганов 28, 13 и 14 раскопок 2010 г., где был более точно датирующийся инвентарь — IV-V вв.¹

¹ См. статью «Хронологическая интерпретация могильников...» в данном сборнике.

Погребение 4 кургана 35 из раскопа 8 имеет единственную находку с относительно узким диапазоном бытования — маленькую бронзовую пряжку с прямоугольным щитком и подвижным язычком (рис. 15, 3). Рамка пряжки округлая, с утолщением спереди, язычок обломлен, дата для такого типа определена около IV в., но в основном эти пряжки — без утолщения на рамке [Малашев, 2000, рис. 3, В4]. Аналогия ей в Байрамгуловском погребении не точная, поскольку у нас рамка круглая и щиток длиннее, дата его — конец IV — V в. [Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 5, 14].

Погребение 4 кургана 43 имеет только одну оригинальную находку — вотивное копьё (рис. 16, 3). Аналогии ему находим в памятниках IV-V вв. Прикамья, в частности в Тураевском могильнике, где найдены такие же по размерам и форме копья, но из железа [Голдина, 2003, табл. 15, 41, 6; 105, 21 и др.]. Таким образом, можем отметить, что инвентарь дает дату в интервале IV в.

Исходя из сформировавшегося в ходе анализа памятника Устюг-1 представления, что некрополь развивался с юга на север от относительно плотных рядов могил с маленькими насыпями к цепочкам отдельно стоящих курганов, рассматриваемые курганы 25, 26, 34, 35 и 43 на стрелке мыса относим к ранней группе захоронений. Мы полагаем, что погребения исследованных курганов следует датировать в интервале IV в.

По сочетанию разнородных погребальных традиций и резко различающегося керамического инвентаря памятник можно считать гетерогенным и относящимся к этапу формирования бакальской культуры.

Технология изготовления устюжских сосудов была рассмотрена нами совместно с Л. С. Кобелевой на предмет происхождения новых форм и особенностей формовочных масс. На основании применения жженой кости и оригинальных традиций лепки кувшины и кружки с ручками мы признали импортными. Сходство их по технологии производства и единичных местных саргатских изделий указывает на южный источник заимствования [Матвеева, Кобелева, 2013, с. 77], связанный с движением товаров по караванным путям из Средней Азии [Матвеева, 1997]. Некоторое сходство наша привозная посуда находит с керамикой могильников IV-V вв. н. э. на Средней Сырдарье и в предгорьях Каратау [Нурмуханбетов, 1975, с. 109; Байпаков, Подушкин, 1989, с. 112, 114], однако там гончарные изделия преимущественно ангобированные. И хотя орнаменты нашей коллекции близки декору кушнаренковской керамики, но формы не являются тождественными. В приуральских комплексах преобладают плавно профилированные сосуды высоких или средних пропорций [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 145], в устюжском — с узкой высокой шейкой, резко переходящей в раздутое тулово. Промежуточных по хронологии комплексов между устюжским и приуральскими пока не известно. Поэтому предполагаем, что кушнаренковская гончарная традиция возникла около VI в. и имела общие с устюжским комплексом прототипы, нашу керамику называем пока «среднеазиатской». Кроме того, технологический анализ гончарных традиций показал саргатское наследие в производстве бакальского типа керамики

данного могильника, а также продемонстрировал почти полную переработку таежных карымских заимствований [Матвеева, Кобелева, 2013, с. 77].

В погребальных традициях некрополя Устюг-1 выделяется два типа захоронений:

1. Под низкой насыпью содержится одно захоронение в яме, ориентированной на север с отклонениями. Покойники уложены вытянуто на спине, вещи размещены в изголовье. Соседние захоронения образуют широтные ряды, а курганы над ними — цепочки из сомкнутых звеньев. На погребенной почве около могил имеются следы тризны в виде раздавленных крупных и сохранившихся целыми малых сосудов, костей от ног и голов лошади.

2. Подкурганные одномогильные захоронения с конем над перекрытием с западной стороны могильной ямы.

Захоронение коня над могилой является редкой чертой погребального обряда для Зауралья, в этом могильнике встречается только в двух случаях. Конь, в отличие от раннетюркских традиций, помещен не в одной могиле с всадником, а над нею. Поэтому объясняем данную новацию влияниями мигрантов с территории Южного Урала или Казахстана, из аварской или болгарской среды. С аварскими могильниками с территории Венгрии наши захоронения объединяют расположение могил рядами [Эрдели, 1986, с. 324, 326], СВ ориентировка, наличие среднеазиатской керамики общих с металлической посудой форм. С раннеболгарскими погребальными традициями, отмеченными в памятниках новинкинского типа, сближает наличие черепов лошади в насыпях, расположение могил рядами, пеленание покойников, размещение коней над могилой на ступеньке или в выше, чем ингумация человека, устроенной яме [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 50, 53]. Даже такое оригинальное погребение, как погребение 3 кургана 35 с двумя параллельно установленными на дне ямы гробами, находит планиграфическую аналогию в погребении 2 кургана 13 могильника Новинки [Там же, с. 61]. Реализованный в нашем могильнике способ размещения коня — в яме у торцевой стенки могилы человека таким образом, что длинные оси их захоронений перпендикулярны друг другу, — встречены в Нетайловском и Красногоровском могильниках, относимых к болгарским некрополям [Аксенов, 1995, с. 11].

Мы далеки от мысли утверждать, что в Зауралье в V в. появились именно авары или праболгары, хотя несомненное проникновение группы тюркоязычных кочевников из степи мы можем отмечать.

Некоторые авторы относят появление протоболгар в Восточной Европе к III–IV вв. н. э., усматривая их уже в составе Гуннской орды, другие же видят в них оставшихся в Приаралье гуннов, создавших новые политические объединения [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 171; Смагулов, Павленко, 1998, с. 149]. Поэтому появление их в Зауралье могло состояться в тот отрезок времени, в который формировался могильник Устюг-1. Кроме того, вероятным является и далекое проникновение на север из постгуннской эфталито-кидаритской среды. Массовое распространение кольцевой деформации черепов в рассматриваемом могильнике [Матвеева, Пошехонова, 2013], а также европеоидный облик захо-

роненного там населения [Алексеева, 2013] как будто бы также подтверждают совместное и раннее появление гуннских и тюркских элементов культуры, но далеко в лесостепной зоне, к северу от основных путей миграций вышеназванных групп кочевников. С. Г. Боталов даже предлагает называть переходный период от гуннского к тюркскому культурогенезу протоболгарским, впрочем, указывая на формирование в то же время и элементов будущей мадьярской погребальной традиции [Боталов, 2013, с. 202]. Наша идея относительно раннего появления тюркских элементов культуры на севере лесостепного Зауралья под воздействием импульса из Приаралья в целом согласуется с мнением А. В. Комара о появлении этого же импульса в Приуралье и Причерноморье несколько позднее, в переходный от «гуннского» к «болгарскому» период, который он датирует 480-559 гг. в виде отчетливой волны кочевников с культурой «восточного» происхождения [Комар, 2006, с. 108], но еще не связанной с завоеваниями Первого Тюркского каганата.

В пользу вероятности обнаружения в Зауралье в дальнейшем «аварского следа», как нам кажется, свидетельствует огромное число (около 50 тыс.) выявленных аварских погребений на территории Паннонии [Лукина, 2006, с. 145]. Там зафиксировано большое количество мигрантов, которые должны были оставить погребения по пути своего продвижения. Еще один интересный сюжет об аварях содержится в «Хронике Фредегара», сообщающей, что кроме сбора дани они «каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен и дочерей их к себе на ложе» [цит. по: Пузанов, 2006, с. 152]. Поскольку зимовки у покоренного населения были традицией кочевого уклада аваров, уместно предположить, что подобная практика выживания была выработана значительно ранее, еще на пути их через Азию, и одна или несколько из зимовок части воинского формирования могли состояться в зауральской лесостепи.

В целом могильник Устюг-1 входит в один круг с некрополями Козлов Мыс-2 и Ипкуль-15 [Чикунцова, 2011], демонстрирующими сложение бакальской культуры из разнородных компонентов. Однако в последнем могильнике реализован только курганный обряд. По наличию грунтовых могил и курганов Козлов Мыс-2 предварительно может быть признан более длительно существовавшим, запечатлевшим проникновение как северных, так и южных мигрантов, Устюг-1 — кратковременным, сохранившим грунтовые и курганные могилы в общих рядах, но демонстрирующим почти сnivelированное карымское влияние [Матвеева, 2012а, рис. 6, 5, с. 74]. Помимо того, между этими некрополями имеются и локальные отличия. Так, среднеазиатский компонент отчетливо выражен только в самом южном из рассматриваемых некрополей.

Публикуемый памятник находится в числе объектов, содержащих разнотипную керамику в синхронных комплексах. Он наиболее ярко указывает, как нам уже приходилось отмечать [Матвеева, 2007, 2009], на синтез автохтонных (саргатских и кашинских) и мигрантных (карымских, среднеазиатских) элементов в бакальской культуре, а также на номадный постгуннский ее компонент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксенов В. С. Захоронения с конем у населения северо-западной части Хазарии // Культуры степей Евразии второй половины 1 тысячелетия н. э.: тезисы докл. конф. Самара, 1995. С. 10-12.
2. Алексеева Е. А. Антропологическая характеристика внешности индивидов из могильника Устюг-1 эпохи раннего Средневековья // АВ ORIGINE: археол.-этнограф. сб. Тюм. гос. ун-та. Вып. 5. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 22-33.
3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. Ч. 2. М., 1978.
4. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Zubov C. Э. Праболгары на Средней Волге. Самара: Изд-во «Полдень. 22 век», 1998. 286 с.
5. Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 160 с.
6. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья. Уфа: Изд. дом БПГУ, 2009. 286 с.
7. Боталов С. Г. Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях эпохи Средневековья в свете новых археологических данных // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ООО «Рифей», 2013. С. 201-207.
8. Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.
9. Воронин К. В., Малашев В. Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны республики Ингушетия. М.: ИА РАН, 2006. 152 с.
10. Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.
11. Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: УдмГУ, 2010. 264 с.
12. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Ижевск: УдмГУ, 2003-2004. Т. 1. 318 с.; Т. 2. 724 с.
13. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский-1 могильник — уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: УдмГУ, 2010. 499 с.
14. Казанцева О. А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдмГУ, 1988. С. 44-65.
15. Комар А. В. «Азиатские» элементы культуры кочевников Восточной Европы VI-VIII вв. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов: материалы междунар. науч. симп. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 107-111.
16. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: ИФ «Восточная литература», 1996. 396 с.
17. Лукина С. Г. Аварский каганат в системе культурно-политического взаимодействия эпохи Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов: материалы междунар. науч. симп. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 145-148.

18. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
19. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 194-217.
20. Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
21. Матвеева Н. П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. 1997. № 2. С. 63-77.
22. Матвеева Н. П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири. Вып. 1. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. С. 63-75.
23. Матвеева Н. П. Поликультурная среда лесостепного Зауралья в середине I тыс. н. э. и формирование раннесредневековых общностей // Форум «Идель-Алтай»: материалы конф. Казань, 2009. С. 150-152.
24. Матвеева Н. П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009-2010 гг. // АВ ORIGINE: археол.-этнограф. сб. Тюм. гос. ун-та. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012а. С. 38-76.
25. Матвеева Н. П. Погребения эпохи энеолита и бронзы из могильников Притоболья // АВ ORIGINE: археол.-этнограф. сб. Тюм. гос. ун-та. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012б. С. 12-22.
26. Матвеева Н. П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012в. 178 с.
27. Матвеева Н. П., Кобелева Л. С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 68-78.
28. Матвеева Н. П., Пошехонова О. Е. Половозрастной состав захоронений могильника Устюг-1 и особенности погребальной практики // Вестник угроведения. 2013. № 1. С. 125-131.
29. Матвеева Н. П., Сомова М. А., Цембалюк С. И. Баитовский комплекс поселения Устюг-2 (из раскопок могильника Устюг-1) // АВ ORIGINE: археол.-этнограф. сб. Тюм. гос. ун-та. Вып. 3. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 51-71.
30. Нурмуханбетов В. Н. Катакомбы Бориджарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 106-115.
31. Овчинникова Б. Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1969. С. 141-152.
32. Пузанов В. В. Межэтнические контакты эпохи Великого переселения народов: славяне и авары // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов: материалы междунар. науч. симп. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 151-157.
33. Рафикова Т. Н., Матвеева Н. П., Берлина С. В. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища // АВ ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири. Вып. 2. Тюмень: Изд-во «Три Т», 2008. С. 84-113.
34. Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полумской культуры. Ижевск: НИИ Удм. ССР, 1980. С. 5-106.

35. Смагулов Е., Павленко Ю. В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 142-151.
36. Чикунова И. Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем Средневековье в Притоболье // Труды III Всерос. археол. съезда. Великий Новгород—Старая Русса. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 112-113.
37. Чикунова И. Ю. Бронзовые медведи Ипкульского могильника // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. конф. СПб., 2012. С. 346-349.
38. Эрдели И. Археология Венгрии VI-XI вв. // Археология Венгрии. Конец II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 310-346.